

Андрей Дашков

Пытка никогда не кончается

Моя секретарша Ингрид — безмозглая ходячая вешалка для модных нарядов. Поскольку она мне не дает, предпочитая пускать в свою кровать более состоятельных или более молодых и смазливых господ, толку от нее вообще никакого. Постоянно перед глазами, вертит задом, дразнит спелыми грудями, лоснящимися ногами и блестящими губами. А видели бы вы, как она ест конфеты! В общем, одно расстройство для одинокого холостяка вроде меня. Давно бы избавился от нее, но не могу, связан контрактом. Уж не знаю, чем Ингрид так угодила Хозяину, однако в бумаге прописано четко: персонал — не моя забота. Приходится довольствоваться мечтами о том времени, когда я внезапно разбогатею и цыпочки вроде Ингрид будут с разбегу запрыгивать, например, в «майбах цеппелин» 38 года с семиступенчатой коробкой передач и раздвигать ножки на заднем сиденье.

Правда, реальных возможностей достичь благосостояния и стать объектом корыстной любви я пока не наблюдаю. Откуда им взяться? Я частный сыщик — падать ниже некуда, разве что перейти на сторону тех, с кем у меня нечто вроде

джентльменского соглашения: я не работаю на полицию, они не препятствуют моему скромному занятию. А занятие скромнее некуда: обманутые жены, мужья-рогоносцы, сбежавшие любовники, украденные побрякушки любовниц. С тяжелой уголовщиной стараюсь дела не иметь. Я, как бы это сказать, осторожный. И, судя по постоянно зевающей в моем присутствии Ингрид, скучный до чертиков. Короче, воплощенная серость.

Хотя природа не обделила меня ростом, мужественной физиономией и кое-каким умишком, я никогда не мог найти всему этому достойного применения. Да и недостойного, если честно, тоже. В результате бóльшую часть времени и, страшно сказать, оставшейся жизни я провожу здесь, в потертом кресле, за купленным на распродаже письменным столом, или на таком же сильно употребленном кем-то диване, в двенадцатиметровой комнатке с единственным окном и дверью из мутного стекла, на которой имеется надпись со стороны коридора: «Отто Кляйбер. Частный детектив» И ниже: «Конфиденциальность, оперативность, надежность».

Знаете, это нетрудно — быть конфиденциальным, оперативным и надежным, когда речь идет о нескольких фотографиях, на которых какой-нибудь боров зажимает чью-то

соскучившуюся по ласкам жену. Мне это ничего не сто́ит, вернее, сто́ит ровно столько, чтобы едва сводить концы с концами, платить за аренду помещения и зарплату Ингрид, оговоренную в контракте. Какого черта она не уходит сама? Ума не приложу. Чтобы раз в день напечатать какую-нибудь бессмысленную бумажку на приобретенной там же, где и стол, машинке «мерседес прима», особых навыков не требуется. Я сам как-нибудь справился бы с этим собачьим вальсом машинописи и, может быть, думал бы о чем-нибудь полезном для души, а не о находящемся поблизости женском теле.

Впрочем, недавно я раздобыл брошюрку некоего индуса Шри Ауробиндо под названием «Сверхчеловек» и теперь все свободное время посвящаю медитации. Методика Ауробиндо предполагает, что медитировать или, по крайней мере, пытаться можно везде и при любых обстоятельствах. Уединение и отсутствие помех не обязательны. Неплохая, оказывается, штука. Стабилизирует давление и гормональный фон, с каждым днем я становлюсь добрее и терпимее. Правда, примерно такое же действие на меня оказывают ляжки танцовщиц из кабаре «Дикая сцена», но я объясняю это тем, что у каждого свой путь к просветлению.

Ну да ладно, хватит благообразной болтовни.

Все не так уж чисто со мной, как вы могли подумать, прочитав вступление. Подозреваю, что если бы я сиял кристальной чистотой, Хозяин воздержался бы от заключения контракта. У моей деятельности есть другая, скрытая и, вероятно, не вполне законная сторона. Хотя какой уж тут закон... Тем не менее я ни о чем не жалею. *Пока не жалею.*

Я был на грани нищеты, когда появился Хозяин, предложил контракт и пообещал, что чересчур обременительной работа не будет. Я думал недолго. Что мне светило? Место официанта, мойщика посуды или в лучшем случае дорожного рабочего? Для меня это ад. Дело в том, что я ненавижу общество себе подобных. Мне подавай хотя бы угол, но мой, личный и огороженный, чтобы было где укрыться от невзгод, чужих взглядов, человеческой вони и досужих разговоров. Другими словами, мне, как воздух, нужен задрипанный кабинетик вроде моего, единственным недостатком которого является присутствие крашеной блондинки с инстинктами паучьей самки, большую часть времени ухаживающей за своими ногтями и разглядывающей журналы мод.

Я принял предложение. Хозяин оплатил мои долги, и мы заключили контракт, согласно которому... Впрочем, разглашать его содержание я не вправе (вы же помните мой девиз —

«Конфиденциальность, оперативность, надежность»?). Могу лишь намекнуть, что иногда я подрабатываю судебным приставом в не совсем обычном месте. Доставляю кое-кого кое-куда.

Звучит не слишком вдохновляюще, верно? И на хорошее вознаграждение рассчитывать не приходится. Эта работа выпадает редко и, если честно, очень мне нравится. Иногда даже кажется, что я, словно курильщик опиума, живу только ради новых грез. Да, когда начинается работа, это представляется не вполне реальным. Там всегда царят сумерки... Но я забегаю вперед. В любом случае, у меня есть скрепленные моей подписью обязательства. И Хозяин не из тех, с кем можно разорвать контракт, а потом жить безнаказанно. Согласившись работать на него (а разве на самом деле у меня был выбор?), я лишился кое-каких распространенных иллюзий, зато обрел в работе последнее утешение.

* * *

Я медитировал, сидя в кресле и отставив в сторону наполовину опорожненный стаканчик «егермайстера». Ингрид подпиливала ногти в своем вольерчике, но эти стервозные звуки уже не могли вырвать меня из объятий предабсолюта. На физическом плане я вперял взор в карту Европы,

маскировавшую потертые обои, однако мой всепроникающий внутренний глаз видел гораздо больше — циничную сущность политики, положительные и отрицательные стороны государственного устройства, скрытые движители и губители этносов, — простираясь чуть ли не до тайных судеб человечества. Вполне возможно, достигни я нирваны, мне открылся бы механизм мироздания во всей своей полноте, но контракт не пускал меня дальше дозволенных границ. Но и так было славно, очень славно.

Своими очертаниями Третий Рейх напоминает пивную кружку — и, надо заметить, кружку полную до краев. Берлин — общепризнанная культурная столица мира. Правда, в смысле духовной жизни бурно развивается Харьков, но этим славянам пока еще далеко до нас, давших цивилизации Бетховена, Вагнера, Гёте, Шопенгауэра, а в последние десятилетия — Эйнштейна, Мурнау, Шенберга, Хиндемита и филармонический оркестр «Раммштайн». В альянсе с Китайской республикой и Советским Союзом мы оставили далеко позади не только расслабленных гедонистов французишек и консервативных тугодумов англичан, но и заштатных, извините за каламбур, штатовцев, которые до сих пор так и не опомнились после своей Великой депрессии. Теперь, в тысяча девятьсот сороковом, у нас что-то

вроде общественной гармонии и экономического процветания. Немцы изобретают и управляют, китайцы работают, евреи лечат и развлекают, русские, как всегда, ищут национальную идею. Нефть, лес и пшеницу везут с востока; мясо, машины и часы — с запада; все довольны; нет поводов для серьезных конфликтов. К сожалению, время от времени (и, к счастью, в приятном отдалении от европейского средоточия культуры) случаются мелкие недоразумения — вроде прошлогодней заварушки в Антарктиде. О закончившейся двадцать два года назад войне и других неприятных страницах прошлого приличные люди предпочитают не вспоминать. Будущее рисуется в самом розовом цвете. Господа Борн, Боте и Гейзенберг близки к обузданию атомной энергии. Оберт, Дорнбергер, Фон Браун и Королев совместно мудрят над запуском ракет в космос с экваториального полигона в Африке. Незначительные проблемы — итало-русско-греческая мафия, чрезмерное увлечение наших пресыщенных чад цыганской субкультурой, смерть романа как жанра и засилье иммигрантов из Штатов — не могут омрачить общей радующей глаз картины. Европа обрела долгожданный мир. «Закатом» даже не пахнет, что бы ни писали в своих сочинениях наши доморощенные философы.

В целом все так хорошо, что невротикам вроде меня даже становится немного не по себе. Поневоле закрадываются мысли: чем и когда придется расплачиваться за удовольствие? Но большинство не задается такими вопросами и просто наслаждается жизнью. Особь наподобие Ингрид — ярчайший тому пример. Ходячий автомат-удовлетворитель, вот только мои жетоны ни в одну щель не принимает...

Маска недалекого частного детектива приросла почти намертво, но иногда, очень редко, мне удается ее сбросить. Обычно это происходит по ночам. Меня терзает бессонница, и все же рано или поздно я проваливаюсь в сны, вернее, Хозяин сталкивает меня в эту пропасть. Не знаю, что хуже. В тяжелых и коротких, как удары колокола, сновидениях есть что-то пророческое — я знаю это, но не могу доказать даже самому себе. Во всяком случае, после пробуждения у меня остается отчетливое ощущение, что нынешнее благоденствие — лишь затишье перед бурей, которая закончится так плохо и неминуемо, что смерть покажется избавлением. Хозяин позволяет мне проснуться, прежде чем я увижу самое худшее. На свой счет иллюзий не питаю — подобную «заботу» он проявляет всего лишь для того, чтобы его живая игрушка не свихнулась раньше времени. Такая опасность существует, ведь я догадываюсь о

причинах происходящего. Все началось (точнее, для нас все кончилось, хотя мы об этом еще не знаем), когда появились *они*. Кто же виноват — мы сами открыли этот пифос Пандоры. Я предпочитаю говорить о *них*, используя самые невинные и безликие из возможных слов. Но есть еще и невозможные...

Это по-настоящему омрачает мои ночи, лишает отдохновения, опустошает душу. Страх. Куда денешься от него? Все боятся. Боятся смерти, жизни, прошлого, будущего, рабства, свободы. Боятся одиночества, неизлечимых болезней, унижений, старости, инвалидности, нищеты, тюрьмы. Черный поток, в котором мы барахтаемся от колыбели до гроба, никогда не иссякает. Но тот, кто лепил человека, проявил ограниченное милосердие хотя бы в том, что один страх заглушает все остальные. Вот горькое лекарство, без которого существование превратилось бы в непрерывный кошмар...

Телефонный звонок вырвал меня из внетелесного парения и вернул в материальный мир, где я первым делом столкнулся с проблемой переполненного мочевого пузыря. Отправившись в туалет, я по пути слегка постучал костяшками по аппарату и пробудил Ингрид от транса, в который ее ввело созерцание туалетов от Генриха ван Лаака.

У меня не было желания разговаривать по

телефону, особенно со вдовой Циммерманн, которая ежедневно осведомлялась, как идут дела с розыском похищенных у нее фамильных драгоценностей. Стыдно признаться, но драгоценности вдовы я уже разыскал. Для этого достаточно было найти недавно уволенного ею слугу Бруно и совсем чуть-чуть надавить на него. Сейчас побрякушки лежали в моем сейфе, и я собирался продержат их там еще хотя бы несколько дней. Учитывая, что старушка платила мне десять рейхсмарок в сутки, вы поймете мое желание потянуть время. Если же вам покажется, что такое поведение немного противоречит моему девизу в части «оперативности», то попробуйте как-нибудь сами выбраться с Грюнерштрассе в район парка Брозе и найти в тамошнем муравейнике за менее чем недельный срок человека, который не очень хочет, чтобы его нашли. Уверяю вас, какая-нибудь сотня рейхсмарок (не забудьте о стоптанных подошвах, истертых покрывках и сожженном бензине) — по любым меркам божеская цена. И вполне посильная сумма для богатой вдовы.

Но я ошибся. Наслаждаясь освобождением от отработанной жидкости (третье по силе удовольствие после секса и поглощения вкусной еды, как уверяет физиолог Юлиус Бернштайн), я услышал частый цокот женских каблучков в

коридоре, а затем раздался стук в дверь и голосок Ингрид сообщил:

— Отто, это тебя. Срочно.

По ее тону я сразу понял, от кого звонок. Поспешно стряхнул последние капли и, едва застегнув штаны, выскочил из туалета. Обогнал Ингрид и уже через несколько секунд схватил трубку.

— Отто, как идут дела? — осведомился Хозяин. Это была дежурная фраза, так что я не слишком задумывался над ответом. А вот над чем стоило задуматься: Хозяин звонил только тогда, когда я был на месте. Мне невдомек, откуда он всегда безошибочно узнавал о моем местонахождении. Разве что кто-то следил за мной и докладывал ему. Мне было бы очень неприятно, если бы это оказалось правдой.

— Нормально, — ответил я так же дежурно.

— Ты сейчас свободен? — Игра в кошки-мышки. «Нет, я чертовски занят», — захотелось вдруг ответить, но я знал свое место.

— Свободен.

— Тогда отправляйся на Мантойффельштрассе, тридцать один. Клиент скончался. Доставишь его ко мне, как обычно.

— Понял.

Я положил трубку и улыбнулся в предвкушении очередной опиумной грезы. Кстати,

и для секретарши нашлась работенка. Несмотря на впечатляющую глупость, она тоже никогда не нарушает условий контракта. Сейчас Ингрид добросовестно засуетилась, расставляя в углу кабинета трехстворчатую ширму чуть выше моего роста. Картинка на створках изображала... даже не знаю что. На такие рисунки лучше не смотреть подолгу, иначе начинается головокружение. У меня не было сомнений, что эта штука из другой реальности. Оттуда же, откуда приходят сны, похищающие рассудок. Оттуда же, откуда явились *они*. И откуда однажды раздался голос Хозяина.

Что мне оставалось? Сохранять лицо. Держаться бодрячком. Выглядеть так, будто простоватому и исполнительному парню Отто Кляйберу все нипочем.

Я послал Ингрид воздушный поцелуй и шагнул за ширму. Первозданная тьма окутала меня, пол ушел из-под ног, но *оттуда* проваливаться уже было некуда.

Я очутился в Послесмерти.

* * *

Посветлело. Меня окружали сумерки, каких никогда не бывает там, где день сменяется ночью. Вообразите себе мир, одновременно отлитый из свинца и слепленный из пепла, многообразно

серый, не теплый и не холодный, на ощупь разный... и одинаковый, немного липкий, но легко стирающийся. Словно прикасаешься не к предметам, а к памяти о них, спрятанной в кружевных лабиринтах коры высохшего мозга. Вот именно — памяти, а память всегда подводит.

Я вышел из-за ширмы, стараясь не смотреть в ту сторону, где находилось место Ингрид. Мой кабинет, да не совсем. Я потянулся к карте, висящей на стене. Руки прошли сквозь нее и нащупали дверцу сейфа, который открывался не так, как тот, другой, в настоящем кабинете. (Или настоящий — этот? Мое мнение на сей счет меняется в зависимости от того, где я нахожусь.) Пальцы набрали комбинацию на панели кодового замка. Сейф бесшумно открылся. Я взял из ячейки предметы, которые могли пригодиться в моей работе, но лучше бы не пригодились. Все-таки я предпочитаю грезить без риска для жизни. Закрыл сейф и рассовал предметы по карманам, а кобуру прицепил на брючный ремень под пиджаком.

На столе стояла початая бутылка киршвассера. Бутылка была открыта, однако жидкости в ней с прошлого раза не стало меньше. Я хмыкнул и сделал пару глотков. Знакомый, непреходящий вкус. И привкус знакомый. Но в кабинете появилось кое-что новенькое — афиша на стене. Полудюжина аппетитных девиц представляла

в образе валькирий на сцене какого-то кабаре. В их вызывающе покрашенных, утрированно грозных лицах и картинных воинственных позах мне почудилось что-то зловещее — как будто эта невинная пародия могла отбросить преувеличенную тень и впрямь вызвать дев-воительниц, чтобы те собрали кровавый урожай. Надписи на афише были выполнены готическим шрифтом — действующие лица, адрес казино и дата премьеры: 1 сентября 1939 года. Стало быть, дела прошедшие. На всякий случай я порылся в памяти — не случилось ли чего-нибудь важного в тот день, — но так и не вспомнил. Иногда мне кажется, что всякий раз, перемещаясь сюда, а также при каждом возвращении, я весьма избирательно утрачиваю фрагменты воспоминаний. Это меня тревожит, впрочем, не слишком сильно. Кто бы сохранил рассудок или хотя бы нормальный сон, не обладая счастливой способностью забывать?

И все же. Что-то безнадежно ворочалось в мозгу, словно замерзающий нищий под запертой дверью. 1 сентября 39 года. Бесполезно гадать, что это означает. И спросить не у кого. Разве что у секретарши? Но вспомнив, как выглядит Ингрид в Послесмерти, я лишь поежился и прошел мимо нее, по-прежнему старательно отводя взгляд. А вот существо, сидевшее за печатной машинкой, взгляда не отвело, и я ощущал его кожей под тканью

костюма, будто прикосновение кисти, смоченной в слабой кислоте. Я шкурой и нутром чуял: существо ждет, когда я совершу ошибку или нарушу контракт. И будет ждать вечно.

Я спустился по темной лестнице. Избавившись от взгляда Ингрид, почувствовал себя гораздо лучше. Началось мое путешествие в мире, который, несмотря на отсутствие цвета, был для меня не таким пошлым, серым и скучным, как оставленное за ширмой прозябание без смысла и любви. Здесь от меня кое-что зависело. Здесь таких, как я, не считали на миллионы, бесследно унесенные временем и пропащие, словно мертвая пыль.

Я миновал безмолвного швейцара и вышел на улицу. Тени текли мимо и сквозь меня, появлялись из стен и исчезали в стенах. Кое-кто из них безуспешно пытался покончить с собой. Бесплотные и нетленные, лишённые окончательного выбора, они тщетно стремились впечатать слово «самоубийство» в обманчиво податливую глину призрачного города... затем вставали и брели дальше, словно отторгнутые дети, навеки лишённые дома и родительского благословения. Некоторые волочили за собой, как проклятие, оборванные веревки, россыпи кровавых иероглифов, выпущенные кишки... Это заставляло задуматься, не жаждем ли мы порой того, что, по

сути своей, является невыносимым. Есть вопросы из разряда самых неприятных, ответы на которые приходят, когда уже поздно и ничего нельзя изменить.

Мой «майбах» (нет-нет, не «цеппелин», а старый добрый «W5») стоял возле тротуара. К нему подкатили на велосипедах двое мальчишек и стали заглядывать внутрь. Братья Пайфер. Я их помнил, они меня — нет, несмотря на то, что мне была поручена доставка. Для них всегда все заново. Бесконечное детство. Можно позавидовать, если не знать, что они сожгли дом, в котором заживо сгорели их родители и шестимесячная сестренка. Сожгли баловства ради, по недомыслию. Вижу их здесь уже не первый раз. Вероятно, Хозяин до сих пор не решил, что с ними делать.

Я закурил сигарету. В Послесмерти это полезная привычка. Тени недолюбливают дым. Может быть, им чудится в нем злая пародия, издевательский намек на еще более зыбкое, совсем уж эфемерное существование. А может, дым просто искажает и без того перекошенную реальность.

Я подошел к «майбаху» и выдохнул в сторону братьев-поджигателей. Они отскочили и принялись швырять в меня комьями грязи, похожими на сгоревшие волосы. Вот недоноски. Вредные, назойливые и никому не нужные — но пока не настолько, чтобы истлеть.